

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ

1828 и 1829 годы ¹

М а й

Угнетенные греки вопияли о мщении; войскам, после долгого мирного застоя, нужно было движение; браннолюбивый характер государя алкал славы военной; персидский шах снабдил деньгами на военные издержки; оскорбление народного флага на водах Босфора признано за нарушение мира — и война, которой конец, может быть, потрясет всю Европу, возгорелась на Востоке и Западе.²

Кавказскому корпусу назначен круг действий в Малой Азии. Приготовления сделаны; разосланы приказы — развернулись знамена, и 14-е число мая застало нас уже на походе к Храму славы.

Исполняя каприз нового полкового командира нашего, полковника Бородина, оригинала, запоздалого в прошедшем веке; корыстолюбивого и скупого без границ; честолюбца, без малейшей идеи о чувствах тонких и возвышенных, — мы вышли и во весь поход должны были кряхтеть под тяжестью солдатской амуниции... На новый поход я был снабжен лучше. У меня была вьючная лошадь и на ней все необходимое. Пройдя Т и ф л и с, 22-го остановились лагерем в 9 верстах за саклею на С а г а н - Л у г е. Здесь простился я с Иваном К о н о в н и ц ы н ы м, добрым, образованным, но занятым

своим графством юношею. Он уехал на Минеральные Воды и оттуда в благословенную Россию... 26-го отдельно, с двумя только ротами, отправились мы вперед, прикрывая запасный артиллерийский парк. Я был рад, что избавлен притязаний докучного полковника.

В первый раз встретил я весну в Грузии. С а м х е т и я, по которой шли мы, считается лучшею областью после К а х е т и и. Пленительные места! Не диво, что поэты с таким восторгом говорят о здешней природе. Минут за 10 до подъема я уходил обыкновенно вперед и, выбрав какое-нибудь развесистое дерево на берегу прозрачного ручья, садился под тень его и там, безмолвный от упоения, восхищался красотою окрестностей... Вдали, по извилинам дороги, то исчезал, то являлся снова длинный обоз наш. Стволы и штыки конвоя, отражая лучи солнца, сверкали молниею. Кисейные облака толпились над отдаленными горами; ближние, одетые в красную бархатную тогу (одежду), растворяли воздух азонатом; в уединенной рощице щебетали птички. Вправе слышен шум отдаленной реки; в лесе крик с удивительною мимикою к е р г у л о в [?]. Там опрокинулась арба, и буйволы, виновники злосчастного происшествия, с обыною флегмою стоят равнодушно, вытянув морду, и как будто смеются хлопотам и побоям грузина; здесь раздаются звуки русской военной песни, везде шум и деятельность одушевляют картину, достойную кисти Орловского...

Миновав рек Х р а н у и [проп. в подл.] и Д ж и а н - о г л у (каменная река), скверные татарские и грузинские деревни, Гору, по справедливости названную М о к р о ю, чистенькую, разграбленную в 26 году персиянами, немецкую колонию Е к а т е р и н т а л ь в красивой долине, католическое селение К а р а к л щ и к, — 10-го июня пришли в селение Г у м р ы на реке А р п а ч а й, разграничивающей Россию с Турциею. Здесь соединился весь корпус, состоящий из полков Грузинского и Херсонского гарнадерских; Ериван. карабинерного, Ширванского, Крымского, части Козлов-

ского — пехотных; 39, 40 и 42 Егерских и 8 пионерного батальона, сводного Уланского, Драгунского, 6 Казачьего донского, одного линейного и татарской кавалерии полков, трех легких артиллер. рот, 20 батарейных орудий (20 и 21 бригад), одной разведочной и одной роты линейной артиллерии; роты Кавказской гарнадерской бригады, 8 мортир и 6 орудий Киевской осадной артиллерии.

13-го переправились за Арпачай и медленно подвигались, попирая и истребляя засеянные пажити аулов, оставленных жителями. Здешняя природа заметно роскошнее убогой и бесплодной персидской. Везде зелень, везде журчат ручейки, хлеб всех родов на бесконечные пространства волнуется от веяния зефира. 14, 15, 16 и 17 на пути к Харсу. 18-го, оставя вправо дорогу, на которой, как было известно, турки поделали батарей, обходом пришли на вид крепости *Харса* — в проливной дождь. 19-го делали усиленный обзор оной. На правом фланге позиции завязалось дело с конною вылазкою, в котором торжествовали уланы и линейские казаки. Пехота, под огнем многочисленной крепостной артиллерии, оставалась спокойною зрительницею. Неприятель потерял до 80 чел. убитых и столько <же> раненых; наши потери простирались до 50 человек, выбывших из строя. В ночь на 21-е заложили первые батареи за речкою. На 22 подвинули их ближе, и на 23-е, чтоб отвлечь внимание неприятеля от закладки главной князь-батарей, со всех сторон повели фальшивую атаку, которая к восходу солнца, запальчивостью егерей 42 полка, обратилась в истинную. Огонь орудий с обеих сторон гремел неумолкаемо. Ничто не в состоянии было удержать ожесточенных солдат; ворвавшись на форштан, истребляя и неистовствуя, продолжали они подвигаться вперед и к 7 часам были уже в городе, ниспровергая все на пути. Гарнизон цитадели, изумленный внезапным натиском, осыпaeмый ядрами нашей артиллерии, вдвинутой в самый город, спешил просить пощады и к 8 часам сдался на милость победителей! Так кончилась осада совершенно неожиданно для обеих сторон. Счастли-

вая звезда главнокомандующего снова блеснула и не померкнет долго — неприятель потерял до 1200 человек, мы до 190 человек.

На другой день после взятия города я поехал осмотреть оный. На улицах встретил убегающих женщин, вонючие испарения и глубокое безмолвие; незаметно было и следов обитаемости. Страх запер жителей в домах, — уже подходя к неприступной цитадели слышались голоса: турок, католиков, русских. Цитадель стоит на скале и защищена батареею в 4 яруса; фланговую оборону имеет только с башней, как и все азиатские крепости; но больших усилий стоило б нам взять оную. Город расположен на скатах двух гор и довольно обширен, улицы узки и грязны; но система постройки домов издали дает городу наружность красивейшую городов персидских. Это было первое и последнее посещение, и потому мне не удалось осмотреть его подробно. Несколько турок и солдат умерли скоропостижно; на умерших нашли опасные признаки. Сие подало мысль докторам спекуляторам объявить чуму. Город закарантиновали, лагерь отнесли за 10 верст, и Бородин, как патриарх карантинных, остался с полком поддерживать нелепое мнение и жечь трупы и трофеи грабежа...

Долго оставаясь в бездействии, наконец, около половины июня, оставя в Харсе 3 полка гарнизону, выступили к Ахалцху. Не доходя крепостцы А х а л а - к а л а к и (новый город), открылось огромное озеро Ч а л д ы р ь; давно не видя вод и рек обширных, я был в восторге при сей встрече: с вершины горы казалось оно облаком, разостланным по земле. Оно напомнило мне море и все, что знавал, все, что любил... А х а л а - к а л а к и защищалась недолго. Успешное действие нашей артиллерии заставило замолчать их орудия, — и наш полк, подведенный на пистолетный выстрел от крепости, заметил, что гарнизон бросился со стены, обращенной к реке, спастись бегством. Нас послали их преследовать. Здесь-то увидел я смерть в тысяче видах и, признаюсь, в первый раз в жизни сделал убийство, защищая свою собственную жизнь. Роковой свинец пролетел сквозь сердце

отчаянного мусульманина; он упал; но грозная улыбка еще не отлетела от умирающего. Я не мог без содрогания видеть своей жертвы и по трупам убитых и стнящих спешил далее... Тем временем, другие две роты наших влезли на стену и заняли крепость. 8 дней стояли мы под оною, на 9-й пошли далее. Не делая утомительных переходов, я мог наслаждаться красотою местоположений, на пути встречаемых. Лес — редкое явление в здешнем краю, начал показываться кой-где, и... Воспоминания детства, и мечты юности, и лесистая родина обновились в памяти. Я перенесся воображением в круг родных; казалось, слышал нежные укоры их, и слезы — утешитель, давно меня оставивший, навернулись на глазах. Молча, в глубокой грусти сидел я, покуда скрып арб, ржание коней и говор приближающейся пехоты не вывели меня из сладкого упоения. Я поплелся далее и скоро добрел до места ночлега. В следующие два дни совершили весьма трудный переход через горы доселе непроходимые. Самые Альпы не представили славному Суворову столько препятствий; у нас недоставало только пропасти, чрез которую конечно сумели б набросить Ч о р т о в м о с т.

5-го августа открылась крепость А х а л ц и х. Переправились <через> Куру и в боевом порядке в ужасный зной рекогносцировали оную. В оный же день на Годовой горе поставили батарею, а 6-го для обеспечения гор от набегов неприятельской кавалерии заложена была по другую сторону речки довольно сильная батарея.

Неприятельская кавалерия, числом до 30 000, состоящая из турок, лезгин, лазов и бунтующих гурийцев, стоя лагерем вне города, занимала все высоты, с которых наши батареи удобно б могли бросать громаы в город. Чтоб начать правильную осаду, должно было истребить и прогнать оную. Для сего ночью с 8-го на 9-е все войска выступили из лагеря, обходом в глубокой тишине, посреди мрака, рассчитывая к рассвету напасть нечаянно на укрепленные их лагеря и наружные батареи. Дурная, неизвестная дорога по горам была причиною, что денница застала отряд еще верстах в 2-х от назначения.

Турки заметили нас и имели время, оседлав коней, выехать в поле. Наши заняли позицию, поставили орудия, и под прикрытием сильного огня с оных кавалерия завязала дело, продолжавшееся до 4 часов вечера. Ядра сыпались в колонны пехоты. Стрелки Херсонского и 41 Егерского полков, покушавшиеся завладеть одним оврагом, впрочем вовсе для нас ненужным, с большим уроном принуждены были отступить. Нас весьма беспокоила батарея, стоящая с боку на возвышении, командующем крепостью. Главнокомандующий, видя возможность приобретения сей позиции, приказал взять оную. Для сего назначен был Ериванский карабинерный и батальон 42 Егерского полка. Наш беглым шагом спешил к их подкреплению. С воплем: ура, выдержав жестокий ружейный и картечный огонь, три батальона почти вместе взбежали на батарею; отбили орудия, лагерь, все знамена и гнали неприятеля под стены самого города. Сия победа имела большое влияние на успешное производство наших траншейных работ. Наемная кавалерия, видя невозможность удерживаться вне города, бросилась бежать в горы. Более 20 верст ее преследовали, и еще 5 орудий, артиллерийский парк и большой запас хлеба достались в руки победителей. Потеря наших в сей день простиралась до 250 выбывших из строя. Неприятель потерял до 1000 человек.

Но город держался с упорным мужеством! Батареи подвигались ближе и ближе и, наконец, пробили довольно большую брешь в одном из городских бастионов и палисаде. 15-го числа решено было идти на приступ. Выбор пал на наш полк. В 4-м часу пополудни, рассыпав впереди стрелков, с барабанным боем и распущенными знаменами, медленно, в порядке, спускались мы к брешу. Подошли на пистолетный выстрел, и град пуль метких встретил нас под стенами и смерть опрокинулась на ряды... раздалось русское торжествующее ура! взяли на руку и понеслись, презирая картечь, по трупам убитых и раненых. Оба батальона были уже в городе. Один очищал правую, другой — левую сторону палисада. Неприя-

тель имел большое преимущество в средствах вредить — каждая сакля служила им бруствером. Невидимо сыпался на нас град пуль из окон, из-за труб, из каждой дырочки громили они нас, и каждый их выстрел был верен. Никогда близкая опасность и самое отчаяние не порождали такого мужества, какое было заметно в осажденных. Расстреляв все патроны, ожесточенные турки, грозно потрясая ятаганами, бросались в ряды, рубили, неистовствовали и падали все жертвою своей запальчивости. В моих глазах убиты и ранены многие храбрые. Свист пуль, посреди всеобщего шума, уже не беспокоил меня. В 6-м часу 42-й Егерский и Херсонский полки подкрепили нас. До поздних сумерок продолжалась сеча и перестрелка; наши немного подавались вперед; наконец повелено было жечь город, и сие может быть спасло и доставило нам колеблющуюся победу. Это была картина работы Фан-Вика или Вернета. Город пылал во ста местах, густой дым вился до неба, на котором через дым и пламя изредка выглядывала луна; кровавое зарево освещало далеко окрестность. Батареи наши, вдвинутые в самый город, ревели неумолкаемо по цитадели. Гранаты и бомбы, с жалким напевом, как огненные змеи, плавали в воздухе, ружейная перестрелка, хотя и слабее, слышна была со всех сторон. Толпы спасенных женщин и детей с воплями и рыданиями влачили к стороне лагеря; как адские фурии носились солдаты между горящими домами с пучьми соломы!.. Ужасных сцен был я свидетелем.

...¹ К утру все успокоилось и Магмет-Киос паша, запершийся в цитадели, склонился к сдаче на капитуляцию. Ему позволено через 4 часа выбраться из цитадели со всем гарнизоном в полном вооружении и двумя орудиями. Восходящее солнце осветило русский штандарт, развевающийся на цитадели, и крики победы и радости оглашали и вторились зубчатыми стенами оной. Приступ стоил нам дорого. В нашем полку убито 2 штаб-офицера, 3 обер-офицера, 66 чел. рядовых, ранено 11 обер-офицеров, 242 рядовых. Вообще все потери наших простирались до 679 чел. выбывших из строя, в том числе

до 30 штаб- и обер-офицеров. Неприятель потерял убитыми, ранеными и сгоревшими до 3000. Больше трети города выгорело, но теперь мало-помалу приводится в порядок; опустелые аулы наполняются жителями; жизнь пробудилась на улицах. Можно надеяться, что скоро в нем водворится спокойствие, но вряд ли изобилие...

Отдельными отрядами в то же время были заняты крепости: А ц х у р, П о т и, А н а п а, А р д а г а н, Б а я з е т, Т о п р а х - К а л е и проч...

Таким образом, в 4 месяца совершенно покорение сопредельной нам Азиатской Турции; наш полк остается зимовать в Ахалцыхе, а на будущий год, ежели бог войны не удержит губительную свою десницу в Европе, пойдем на А р з р у м, будем пить целительную воду в источниках Е в ф р а т а и, может быть, купаться в банях калифов багдадских...

Когда пылающий город со всех концов уже был занят русскими, цитадель и гарнизон оной еще упорствовали. Ст. сов. В л а н г а л и был послан к паше для переговоров и, возвращаясь от него, уверял, что все идет удачно и что для довершения победы нужно только отправить полномочных чиновников для условий сдачи. Генералы Сакен и Муравьев с причетом, Курганов и другие отправились к К и о с у. Гордо принял он их, не обнаруживая ни малейшего знака робости, и совещался долго, уже соглашаясь положить оружие. Вдруг ворвался в совет раздраженный старик, янычар по одежде, герой по душе: «На что решаешься ты, малодушный начальник!? — гремел он, — посмотри на пылающий город! Защищая его, из ста человек нас останется один, переживший позор наш. Женщины сражались,* как достойные чада законов корана, а ты, окруженный храбрыми, в стенах гранитных, помышляешь о преступной сдаче. Нет. Никто из нас да не принесет к повелителю света вести о нашем стыде! Падем все под развалинами

* Между трупами убитых найдено множество переодетых женщин.

крепости!». Насмешка пробудила мужество паши, — он начал длить срок. Сакен разгорячась сказал, вставая: «Зачем затратили мы время в бесполезных рассказах! Я хочу решительного ответа: да или нет!». — «Гед! Гед (ступай вон, убирайся)! — ревел остервенелый янычар, — не мы звали вас сюда — вы пришли сами! Ступай! говорю я... Мы докажем, что умеем защищаться!...». История могла б кончиться худо; но замысловатый Курганов дал ей шуточный оборот, и паша, поговоря с стариком, принял славную для него капитуляцию.

Замечательно, что во время блокады города над минаретом прекрасной мечети, построенной, как уверяют, по плану Софийской в Константинополе, лопнула бомба и сбила луну, его увенчивающую. Плохое предсказание для ее обожателей... Душевно желаю, чтоб победители за В а р н о ю совершили то же над подлинником... Тогда... глухо раздастся в целой Европе звук молотов, — отковки креста, от святой Софии, — и воспрянут утомленные неравною борьбою потомки Периклов и Сократов...

Сказывают, что архитектор, дерзнувший создать подобие храму Стамбульскому, был удушен.

В то время, когда осенние непогоды туманят горизонт стран Гиперборейских; когда отдаленный гром и нависшие облака гонят его обитателей под дедовские кровли старых замков, мы, залетные птички на Востоке, наслаждаемся прекрасною погодою и, привыкшие дышать воздухом лагеря, проводим ночи под кровом неба и любимся миром звездным! Упоенный созерцанием мириад звезд, понимая их течение, имея неясное понятие о возможности населения планет, — нельзя не удивляться творческой силе и гению т о г о, который так великолепно и с такою неподражаемою соразмеренностью устроил видимый нами мир!.. Я ничего не отвечал бы на гипотезы закоренелого атеиста; молча вывел бы его на крышу дома и указал бы на роскошное, лунное небо! В нем все так велико,

что можно ль существу, не вовсе лишенному здравого смысла, не признавать творца природы?! Случай (теория Сен-Мартена) помог произвести только ошибки, неполное, безобразное, а не совершенство!.. Обновленный душою, чувствуя какую-то небесную легкость, довольнее собою схожу я с гор, где часто дух мой блуждал в беспредельности чудной и славы превечного! Схожу для того, чтоб увериться, как ничтожен, зол и мал человек при всех его совершенствах... блуждая по городу, взор не встречает ничего утешительного: груды развалин, еще дымящиеся, жалобные вопли нищеты, тайная скорбь в глазах каждого. В печальное кладбище обратился город многолюдный и торговый! Таков жребий войны! Тяжесть его несут по большей части на себе граждане мирные.

Персы и турки

Обстоятельства способствовали мне схватить некоторые очерки свойств двух народов, исповедующих одну религию, но по нравственным качествам весьма далеких друг от друга. Персияне и турки — как два источника, имеющие разные начала, текут по скатам гор: один медленно катит воды свои меж берегов пещаных; они горьки, скучны и заражают воздух. Другой, неистовый, грозно мчит их меж скал и долов живописных, уничтожая по пути все препятствия, прорывая горы и опрокидывая камни. Местные положения, казалось, сближают их, но на рубеже их союза возвысилось грозное двуглавое чудовище, и они с трепетом снова текут в разные стороны. Оба народа имеют свое происхождение. Один, робкий и женоподобный, медленно пресмыкается в предрассудках; другой, гордый и мужественный, попирая все прекрасное в природе и искусствах, твердым шагом стремится к своей цели. Религия, кажется, сближает их; но двуличный исполнителю политики и раскола мечет на них грозные взгляды, и они, оскорбленные, враждуя и ссорясь, расходятся в разные стороны.

Может быть мои замечания относительно Персии понесут на себе печать пристрастия. Я рассматривал лучшие провинции Персиды и народ, их населяющий, не с борзого жеребца, не из портшеза (трамтарарам) наследника престола, но из-под тяжести солдатского ружья. Вымерял оные не хронометром и компасом, но здоровыми ногами. Дышал в городах не ароматом розового масла, но дымом кизяков. Услужливый и юкер не охлаждал жару лица веянием опахала, в зной палящий, и существо идеальное — одалиска Востока однозвучною песнею не нарушала мучительных снов пришлеца в стране невежества. Все сии случайности совокупно с тогдашним расположением духа и ненавистью к тирании набросили на глаза мои крепкогребальный. Сквозь него, конечно, все предметы казались мне иного цвета, но в природе оных я не мог обмануться!..

...¹ Самый блистательный период персидской истории был век Кира и его преемников; но и тогда современные писатели передали нам в шутовской обертке нравы и обычаи сих несметных полчищ, грозящих наводнить Грецию. Ближе, Абас, великий шах Надир, завоеваниями и направлением умов к войне и грабежу облагородил несколько дух народа, но надолго ли? Современные нам персы — живой пример унижения всех восточных монархий — есть не что иное, как тень гражданского общества, составленного из рабов хитрых, корыстолюбивых, без малейшего признака народной гордости, с мелкою продажною душою, сластолюбивых в грубой чувственности; невежд даже в отношении к азиатской роскоши, воспеваемой поэтами и превозносимой путешественниками. Древние персы были по крайней мере знакомы с искусствами сохраняли первобытную добродетель возникающих народов: гостеприимство. Это можно доказать множеством развалин: дворцов, мостов и водопроводов. Нынешние же, не имея творческой силы произвести что-нибудь новое, с постыдным равнодушием расхищают остатки славных зданий для постройки безобразной сакли. Роскошный караван-сарай приглашал некогда усталого путника под тень сводов своих; быстрый

водомер чистой воды утолял жажду его; шербет и кофе услаждали вкус. Запоздалый, он засыпал на мягких диванах и с восходом солнца, обновленный душою и телом, уходил, сопровождаемый ласковым приветом хозяина. Ныне же, измученный каменистою дорогою, путник, с запекшимися от жажды устами, ложится под кров палящего солнца, голый камень служит ему изголовьем; нет деревца, нет былинки, на коих мог бы отдохнуть взор, утомленный однообразием дикой природы. Ручей и река затрудняют путь его. Он переходит их вброд, когда в двух шагах от него возвышаются развалины моста, удивляющие смелостью изобретения... Могут ли быть хороши войска, составленные из такого народа. Тщетно предприимчивый А б а с - М и р з а мечтает вдохнуть в них дух воинственный и, делая красивые маневры своею артиллериею и дисциплинированными сарбазами, воображает в них солдат! Они не что иное, как робкие переодетые женщины, способные заменить их, а не сражаться и быть мужчинами.

Турки же, напротив, происходя от завоевателей средних веков, разливших ужас и порабощение в целой Европе, помнят славу своих предшественников и, верные уставам корана, дерзнули восстать против священной для них власти деспота, когда он нарушил закон и обычай страны своей! Для них не чуждо слово: отечество! При его призыве, под священную хорговь черного магометова знамени стекаются тысячи храбрых, их сердца дышат ненавистью, мужество пылает во взорах; с оружием в руках они умирают непобежденными, и горе дерзкому пришлецу, нанесшему святотатственную ногу на их родину!..

И турки и персы грубы и невежественны; те и другие рабы своих повелителей; но персы, сохраняя свои прежние предрассудки, принимают некоторые обычаи иноземные, знакомятся с искусствами и в частной жизни гораздо учтивее турок. Все это доказывает, что они, переставая быть верными мусульма-

нами, заняли у иностранцев бесчувственность ко всему родному; торговля познакомила их с искусствами, а их посещения, проводы, встречи и проч. в домашней жизни дышат подлостью тварей с продажною душою. Не иначе можно у них пользоваться общественным мнением, как зная искусство: льстить, унижаться, домогаться, ползать и обманывать, — искусства, имеющие своим источником беспредельную зависимость и рабство. Турки же не изменили своим обычаям невежества: считая прекрасным только свое, гнушаясь всем чужим, обнаруживают тем независимость души. Оставаясь теми же варварами, они теряют в отношении образованности и чувств нежных, но выигрывают, сохраняя народный характер и благородную гордость. Человечество терпит, но честь народа торжествует. В этом должно винить их законодателя, которой заградил им путь ко всему полезному и разлил яд ненависти ко всем иноверцам!..

Запертый в г. Х о е, долго скитаясь по Персии, брат мой Павел соединился со мною под Харсом. До Ахалцыха совершили мы поход неразлучно, теперь опять он далеко... Сближенные летами, одинаковыми наклонностями и понятиями; выросая вместе — из всех братьев более других любил я его. Мы берегли сего невинного, благородного юношу, чтоб хоть он один мог быть опорой семейства в случае ожидаемого поражения нас четверых. Выезжая из крепости, я поручил его провидению, заступнику гонимых, в полной надежде на обещание власти, давшей священное слово сохранить его для матери, и кто изобразит мое удивление, когда, прибывши в Тифлис, случайно встретил я его у Грибоедова). Первое чувство было радость; первое движение броситься расцеловать его. Милый друг мой возвращен мне! Еще не навсегда исчезли для нас минуты утех; возврат брата мирит меня с судьбою... думал я... Но чувство сие, слабая мало-помалу при воспоминании сирых родных, обратилось, наконец, в глубокую горечь.. В глазах матери нежной растерзали лютые звери

четверых первенцев ее, остался один, единственная надежда и утешение ее, и того оторвали от груди отчаянной!.. Мне слышались укоры и вопли их... Казалось, я видел, как она, с блуждающими глазами, простирала руки вслед похищенного, и наворачнувшаяся слеза, не канув, замерзла при воспоминании об ужасе положения семейства нашего... Что сделал ты, безрассудный! — говорил я брату... — и не забыл ты о сестрах бесприютных? Матери хилой?.. — Гонители наши забыли бога и клятвы свои, — отвечал он, — я невинен!!.. Выслушав ничтожную причину его ссылки, я убедился, что каприз судьбы до дна заставляет осушить чашу испытаний и что перст провидения с сей только минуты отяготел над нами... отселе сделался я угрюмее... Столь желанное присутствие брата всегда порождает грустные воспоминания, и, обожая его, как друга и товарища детства, призывая в отсутствии, пожираемый желанием теснее соединить союз братского дружества, я уже не с столь чистосердечною радостью встречаю, беседую и вижу его...

Где вы? Что вы? изгнанники из родины, страдальцы истинной чистой любви к отечеству — где вы, братья мои? Как смею роптать я на свою долю, дыша свежим воздухом, не слыша звука цепей, имея досуг для мечтаний! Они — погребены заживо, лишены всех выгод сих, и, может быть, страшная мысль! не для них светит солнце! Благоговею пред вашим ликом, друзья правоты и добродетели... Живите в мире! Еще бережет для вас луч надежды!..

Чувствую, что сии грустные воспоминания, тоска по родине и жажда познаний, без средств удовлетворить оные, медленно сжигает во мне часть жизни... Как на потухающем светильнике мгновенно вспыхивает пламя от горсти пороку, — так воспламеняется иногда упдающий дух мой огнем бессильной ненависти при мысли о страдании близких сердцу... Но к чему полезны сии взрывы? Обычное последствие их есть едкая копоть, которая садится на душу и характер и, как ржавчина на железе, грызет их.

* * *

Доверчивый исполин лесов северных, медведь

[Большая часть страницы вырезана ножницами]

... Недавно получил я от брата Александра письмо. В числе некоторых взыскан он милостью государя и вместо того, чтоб пресмыкаться под землею и дышать удушливым воздухом рудников, пользуется теперь свободой и около Якутска основал полунезависимую свою жизнь.

[Вырезано]

... здесь же они, сопровождая [вырезано] игрою на инструменте, похожем на гитару, поют с мерою и тактом подвиги своих героев. На пиришествах роскошных, после омовения рук, когда упитанные гости, куря трубки, беспечно раскинутые на диванах, являются сии странствующие...

[Вырезана страница]

Осиплый голос — Давай скорее!.. Кто там? Какой дьявол носит ночью. — Да мне чорт с тобой — от подпорутчика, давай на три абаза!.. Ну, поворачивайся! шевелись же... будь ты проклят — ведь холодно... Ведь есть огонь... Врешь, абазы славные, тифлисские... Лей... Ну, что ругаешься... Экий братец — ведь посылают, не своя воля... я б не пошел ни за что — знаешь наших господ... украдь, да подай!.. Э! Э! Прощай [не разобр.] прощай. (Поскользнувшись падает). Чтоб чорт тебя побрал, проклятая турецкая сторона, и земля-то не держит!..

Подобные разговоры слышим мы каждый вечер по проби-тии зари, и нередко доука пьяницы будит не только целовальника, но и нас в глухую ночь!..

Азиатская Турция политически разделяется на несколько частных областей, управляемых пашами. А х а л ц ы х с к о й пашалык составляет часть А н а т о л и и — содержит 24 с а н д ж а к а, или уезда, расположенных на 21 950 ква-

дратн. верст или 489 немец. миль. Прежде составлял он часть Армении, потом, принадлежа к Грузии, некоторое время был независим и, наконец, покорен турками. Весь покрыт горами. Главных 4 хребта гор: 1) персидские, 2) цепь Кавказских предгорий, хребет Арарата под названием Карачли и хребет Чалдырский — все они меньше кавказских, но снег лежит 8 и 9 месяцев. Две главные реки — Кура и Чороха — напояют оный. Кура древними называлась: Кирзин Кирое; восточный писатель называет ее Корус, Кур, Кореус (могущественный) — вытекает из хребта Саганлуга в Гильском санджаке, во 150 верстах от Аракса из Ацхверского санджака, входит в российск. пределы. Озера: Челдырское в длину простирается на 20 в., шир. на 15 верст; Хозанши-чай, Топорован-чай, Ренгала-чай есть самые большие. Пашалык сей есть самый плодородный из малоазийских и изобилует лесом, который в самый город доставляется по р. Посхо. До настоящей войны весьма дешево были здесь все продукты жизненные и домашний скот. Санджаки управляются беками, назначаемыми пашами; но иногда они бессильны усмирить непокорных. Из целого пашалыка два лучшие города Ахалцых, Ардаган. В первом 4500 домов. Крепостей 5. Ахалцых, Ардаган, Ахалака-лаки, [не разобр.] и Ацхур. Каждый санджак заключает в себе не более 60 и не менее 20 деревень. Трудно определить народонаселение, потому что турецкий витель спрашивает о нем только тогда, когда хотят собрать произвольную подать, и потому старшины всегда оное уменьшают; в Ахалцихском пашалыке токмо 34 283 семейства. Население: турки, лазы, грузины, аджары, армяне, жида, кочующие курды и труханцы.

Несколько раз пробегал слух, что аджарцы и непокорные санджаки собираются напасть на крепость; но всегдашняя наша готовность к отпору и неусыпность отбивают охоту у турок, и мы доселе спокойны.

6 тысяч кавалерии, вызванной султаном из Анатолии в Европу, при вести о потере крепостей возвратились в Арзрум. Туда же, как говорят, пришло 10 тысяч регулярных арабов из Египта.

Бывшего сераскира «Галиб пашу» [В рукописи пропуск, — *Ред.*] за недеятельность и слабые меры сослал в [пропуск]. Новый показывает ужасную надменность и гордость. Посольство его к Паскевичу дышит высокомерием и невежеством.

Генерал Панкратьев оставил г. Хой и присоединился к отряду генер. Чавчевадзиева около Дидина.

Тысячу раз принимаясь за перо, чтоб обработать мысли, часто тревожащие и питающие мое воображение, всегда с досадою оставляю я работу! Холодная комната, мороза руки, ноги и чернила, препятствует выполнить давнее желание. В бешенстве вскочил я сегодня со стула и бросился бегать из угла в угол, чтоб отогреть несколько грешное тело, столь плохо связанное с способностями души нашей!

Оттаивая мало-помалу, я стал ходить тише... Отыскал потерянную нить размышлений; мысль пошла своею привычною стезею, и, пробегая в памяти происшествия трех последних годов, вытянулась предо мною длинная фаланга новых знакомств, столь различных по своим понятиям, свойствам и характерам, что я решился для будущих воспоминаний, сохраняя хронологический порядок, кратко набросать их очерки в том виде, как наставила меня опытность.

Предавая забвению большую часть новых знакомцев моих, я опишу только тех, которые были ближе мне в настоящем жребии или казались замечательными в каком-нибудь отношении.¹

В Петропавловской крепости судьба свела и покорила меня воле Ег. М. Подушкина, человека, которого сердце закалено в горниле преступлений, характер вскипичен в горьких слезах невинности; для которого звук цепей и вопли

заключенных с полуночи так же радуется, как пение соловья на восходе солнца; которого мысли и воля измерялись ласковою улыбкою и взглядом высших. Под шутовскою манерою скрывает он душу, готовую на всякое предательство, руки, готовые задушить всякую жертву при первом мановении бровей повелителя!.. Таковы его тюремные свойства. Алчность к деньгам не имеет границ. Заключение слишком чувствовали тяжесть сего порока. Множество вещей дорогих, много золота и серебра остались после решения суда в заповедных сундуках этого толстого Кашея... Прекрасные часы и перстень брата Николая, кои мне весьма хотелось иметь для памяти, не взирая на усиленные хлопоты, остались в его руках!

Н. П. К а < ж е в н и к о в >. Дорогою к месту ссылки сближился я с ним. Чуждый надменности и какого-то странного тона, общего всем гвардейцам, он показался мне любезным, занимательным молодым человеком. Привлекательная манера изъясняться, анекдоты, ловко рассказанные, способность схватывать странное или смешное в других и пародировать сие, с привычкою обращаться в хорошем кругу, делает его приятным в обществе и заверяет в его пользу при первом взгляде. Но, строго разбирая его характер и правила, истинный ценитель найдет много предосудительного, даже в отношении прямых понятий о чести. Эгоизм и самолюбие есть два краеугольные камня, на коих воздвигается здание его недостатков. Для них часто жертвует он всем священным, для них даже небрежет приличиями, необходимыми в свете, не скрывая своих правил; доказательство, что в нем есть доброе и благородное сердце и что он действует по принятым, ошибочным мнениям о вещах, которые его самолюбивая опытность показывает за непреложные и небесчестные. Он порядочно учился когда-то и довольно читал; но при неограниченной охоте к спорам (которая когда-нибудь обратится в страсть) он обнаруживает часто неполноту познаний, незрелость идей и характер слабый и непрочный. Охота заниматься мелочами одним очерком ограняет его деятельность и заверяет, что сей впро-

чем благородный человек не способен ни к чему важному и трудному.

А. В. В е д е н я п и н 2-й. Другой товарищ путешествия. По несносной страсти рассказывать, часто совершенный вздор, и охоте знакомиться со всем и каждым, по отсутствию дару красноречия, в котором природа отказала ему, — он покажется странным. Но, ознакомясь короче, увидишь, что сии недостатки происходят от недостатку случая знать свет и людей и обращение в хорошем кругу. В замену — в нем находим чувствительную душу, характер довольно твердый и благородные правила; часто неуместно думает он блеснуть своими познаниями и с таинственным видом рассказывает вещи, о которых по их ветхости ныне стыдно говорить и на площади; но в сем случае вреден он только себе самому. Имеет страстишку к стихокропанью и, недоступный к возвышенным тайнам муз, он не посямлет по крайней мере в их нотах звание человека и гражданина.

М и х. А н д. А н « о с о » в. Один из людей, к коим я питаю уважение и благодарность; родясь в бедности и в состоянии низком, проходя чины с простого солдата, не получа никакого воспитания, он не унижает, но облагораживает настоящее свое звание. Доброта души его ясно обнаружилась в участии, мне оказанном. Походы во Францию и Германию были полезны для него во всех отношениях. Там, вероятно, постиг он, что не кресты и эполеты делают человеком и что благородный несчастливцев, в каком бы обстоятельстве ни был, имеет право на внимание и нежные ласки порядочных людей. Характеру его верно позавидовал бы всякий ревнивец. Эдакой равнодушной флегмы я не встречал еще доселе, — и, к несчастю тварей двуногих, — доброта, сей признак божественного, редкое ныне явление, в нем служит к пагубе! Он есть доверчивое орудие прихотей и страстей жены, впрочем умной бабы.

И в. П е т р. Д е - н ь. Ветхий остаток развратной молодости; воплощенный урок мужьям-рогоносцам — добр по душе, честен по правилам, доверчив по характеру. Ограничен умом,

смешон и жалок по обращению и природным недостаткам, безусловный раб хитрости жены порочной! Как больно было видеть сего отца чуждого семейства жертвою своей доброты и доверенности. Его примером убедился я, до какой степени умная женщина может обладать мужчиною.

В. И. Ше-р. На Оренбургской линии, наполненной сбродом всех стран, весьма часто встречаются образчики века Екатерины, сохраняющие характер, привычки, манеры (говорить и действовать) своего времени. К сему числу принадлежит и описываемый мною. Я так мало думал о Ше-ре, как о возможности совершенного равенства граждан в государстве, — вдруг получаю послание в стихах, где автор, близкий подражатель Тредьяковского, столетними остротами, вклеенными в ломаный александрийский стих, приглашает к себе. Более из любопытства, чем для рассеяния, прискакал я к нему. Коротенький, толстый, с приветливым и ласковым лицом, причесанный à la Панин, с маленькими бегающими серыми глазами, в шляфоре, башмаках, <с> небрежно накинутым платком на шее, расшаркиваясь и кланяясь, как ученик Дюпора, встретил меня у входа и, продолжая пышное, пестрое приветствие, ввел в свое семейство. Впоследствии я полюбил сего доброго старика; но, признаюсь, скучал его метроманиею и болтливостию, в коей он старался выказать познание светских обычаев, забыв, что в 40 лет много утекло воды и что на него, законодателя мод Петербурга в 1782-м году, в 825-м указывали б пальцем, как на выродка... Добр и гостеприимен, неглуп и порядочно образован; небесчестных правил, говорлив и при старости сохранил живость характера. Вот качества сего А н а к р е о н а - Э з о п а Оренбургской линии.

Н. Н. Пер-и й. Молодой человек не обширного ума, но с беспредельно доброю душою, благородными идеями, чувствительный и гостеприимный. Нельзя не уважать, нельзя позабыть его. Подобные находки редко встречаются ныне!..

Ф. Г. В <и ш н е в с к> и й. На пути к новому назначению познакомился я с ним и, живши потом почти неразлучно

3 года, узнал хорошо. С умом, от природы глубоким и гибким, он соединяет очень трудное искусство: выигрывать уважение и уметь обратить его в свою пользу. Не получа блестящего воспитания, память его обогащена односторонними мнениями, чтением путешествий и тем, что сам он видел во всех кругах света. В искусстве выиграть доверенность чью-либо и ослепить своими душевными качествами, ловко маскируясь ложною скромностью, я не встречал ему подобного. В домашнем быту, в часы, когда разоблачается характер его, обнаруживаются в нем такие правила, такие черные мысли, что новый человек, услышав его так мыслящего и не зная хорошей стороны, осудил бы на общее презрение. Заметна страсть к владычеству, любит лезть его вкусу, уму, даже наружности. Личную свою пользу предпочитает не только пользе общественной, кою он считает химерою, но даже выгодам брата, друга. Вот его келейное правило: «я желал бы, чтобы все люди, в кругу коих назначено мне жить, были глупее меня». Политические его мнения благоразумны и осторожны, но всегда ли они благородны??. Сердце его сострадательно и добро, но недоступно к нежным чувствам. В беспрестанном ропоте на свою судьбу познается черта слабости, недостойная стойка... педантизм и надменность отклоняют от привязанности к нему многих, кладут непреодолимую преграду искреннего участия. Никогда не будет он любим, не будет иметь друга верного. Добрая поистине душа его затмевается сими недостатками.

А. С. Г р < и б о е д о > в.¹ До рокового происшествия я знал в нем только творца чудной картины современных нравов, уважал чувство патриотизма и талант поэтический. Узнавши, что я приехал в Тифлис, он с видом братского участия старался сблизиться со мною. Слезы негодования и сожаления дрожали в глазах благородного; сердце его обливалось кровию при воспоминании о поражении и муках близких ему по душе, и, как патриот и отец, страдал о положении нашем. Не взвзя на опасность знакомства с гонимыми, он явно.

и тайно старался быть полезным. Благородство и возвышенность характера обнаружались вполне, когда он дерзнул говорить государю в пользу людей, при одном имени коих бледнел оскорбленный властелин!.. Единственный человек сей кажется выше всякой критики, и жало клеветы притупляется на нем. Ум от природы обильный, обогащенный глубокими познаниями, жажда к коим и теперь не оставляет его, душа, чувствительная ко всему высокому, благородному, геройскому. Правила чести, коими б гордились оба Катона; характер живой, уклончивый, кроткий, неподражаемая манера приятного, заманчивого обращения, без примеси надменности; дар слова в высокой степени; приятный талант в музыке; наконец, познание людей делает его кумиром и украшением лучших обществ. Одним словом Грибоедов — один из тех людей, на кого бестрепетно указал бы я, ежели б из урны жребия народов какое-нибудь благодетельное существо выдернуло билет, неувенчанный короною, для начертания необходимых преобразований... Разбирая его политически, строгий стоицизм и найдет, может быть, многое, достойное укоризны; многое, на что решился он с пожертвованием чести; но да знают строгие моралисты, современные и будущие, что в нынешнем шатком веке в сей бесконечной трагедии первую роль играют о б с т о я т е л ь с т в а и что умные люди, чувствуя себя не в силах пренебречь или сломить оные, по необходимости несут их иго. От сего-то, думаю, происходит в нем болезнь, весьма на сплин похожая... Имея тонкие нежные чувства и крайне раздраженную чувствительность при рассматривании своего политического поведения, он, гнушаясь самим собою, боясь самого себя, помышлял, что когда он, (по оценке беспристрастия) лучший из людей, сделав поползновение, дал право на укоризны потомства, то что должны быть все его окружающие? — в сии минуты благородная душа его терпит ужасные мучения. Чтоб не быть бременем для других, запирается он дома. Вид человека терзает его сердце; природа, к которой он столь равнодушен в другое время, делается ему чуждою, постылою; он хотел бы лететь от сего

Печатанъ въ Москвѣ въ 1828-1829 г. въ К. Б.

71

Памятныя Записки

1828^г и 1829^г Годы.

П. Б.

Матрардъ Второго

П. А. Бестужев. «Памятные записки». Титульный лист.
Автограф.

мира, где все, кажется, заражено предательством, злобою и несправедливостью!!..

А. А. С у « в о р о » в. Молодой человек с возвышенным характером, чистою нравственностью, благородною и чувствительною душою, с умом и военными способностями, не помрачающими славу великого деда его. Редко появляются на отуманенном обстоятельствами горизонте отечества нашего метеоры таких чистых, картинных красот. Враг всякой несправедливости и исканий, напитанный высокими идеями, мужественный в опасностях, гордый с высшими, кроткий и любезный с равными и низшими, он украшает собою бедный полк наш, — человечество гордится, считая его в числе друзей своих. Одаренный приятною наружностью, под эгидою истины пробегает он пути жизни и стоит на первой ступени пути к храму славы и известности. Пожинай лавры, истребляя племена, патриот бескорыстный! Да скажем мы некогда, указывая на будущего полководца: «И в нашей родине есть генералы, достойные имени человека и гражданина!».

С. Г. Ч е л я е в. Любезный и добрый молодой человек. Всегдашняя готовность к благородному делу обнаруживает в нем искру и присутствие добродетели и чувств возвышенных. К сожалению, добрые его наклонности погашены расчетами мелкого честолюбия и каким-то ветхим, неясным и для него самого сомнительным образом мыслей, доказывающих полупросвещение. Он грузин по происхождению; но искренно желал бы я, чтоб мое отечество имело более таких пасынков.

Н. Н. Р а « е в с к » и й. Человек с обширною памятью; ей обязан он множеством разнообразных и глубоких сведений. Его можно назвать воплощенною энциклопедиею. Все знает, о всем судит, на все кладет приговоры с верностью архонта. Добр по душе, характера уклончивого, правил честных. Жаль, что сии способности не украшаются скромностию, венком истинной философии. В политических мнениях и поступках осторожен и робок до укора. Долго не забуду я первую встречу с ним, убедившую меня в его постыдной трусости. Действуя

со стороны страстей, льстя его слабостям, все можно сделать из сего умного человека.¹

В. В. К о « в а л е » в. Родясь в стране невежества, воспитанный в кругу поседелых в боях и бесчувствии, он не получил решительно никакого образования. Но природа одарила его умом; вдохнула добрую душу. Не из самолюбия, но по естественной склонности готов он на всякое добро; сострадает в несчастии. Беспечный, равнодушный и слабый по характеру, позволяет он управлять собою людям искательным, низко употребляющим его доверие, и приученный льстецами, тварями без чести, к властолюбию, умеет однако отличать людей и вчуже уважать чувства. Дорожа улыбкою нового правительства, напуганный строгими мерами правительства, он был бессилен и слаб явно обнаруживать своего расположения к нам. Но покровительствовал втайне — почтен уважением!

Н. Т. Ю « д и » н. Образец игры и несправедливости судьбы. Воспитанный под палками, в кругу застарелых буянов и пьяниц, правил черных и низких, не имея и тени доброты души, ознаменовавший поприще жизни подлыми делами, — он, однако, покоится в объятиях фортуны, постоянно любим ею. Недоступный ни к чему благородному, искательный до подлости, сластолюбец до разврата, пьяный до омерзения, мстительный мелочно, во мраке единственное его достоинство: способность прославить себя храбрецом и выиграть любовь солдат средствами столь неблагородными, что я стыжусь упоминать о них... И этот человек осыпан наградами; блаженствует в пресыщении!!!

Н. Р. Ц е « б р и к о » в. Один из людей, кои, не понимая причины деяний своих, никогда не рассуждая, увлекаясь страстию к новизне, своим беспокойным духом и самолюбием, делают, наконец, жертвою оных и в тяжком своем положении жалуются на судьбу, будучи сами всему причиною. Природа обидела его со стороны ума, но снабдила в изобилии самолюбием, которого я не смешиваю с благородством и гордостью. Нахватавшись кой-где и кое-как верхушки кой-каких

знаний, созданный с знойными страстями, не освещенный на дороге жизни светильником рассудка, на каждом шагу делает он глупости. Имея добрые качества души, пятнает оные пороками, из коих господствующие: карточная игра, столь унижающая, по моему мнению, всякого человека, коль скоро обращается она в природу, и мелочная скупость. Воспитанный в предрассудках ложной чести, он чувствителен к малейшей обиде и, имея характер пылкий, не диво, что слывет полусумасшедшим.

Г. И. Н и - в. Подобные люди часто встречаются в свете: прост, добр, гостеприимен, честен, вспыльчив. Лганьем, хвастовством и ухарством напоминает он времена лихого г у с а р с т в а, в котором играл некогда роли блестящие и резкие!

М. И. П у щ и н. Не много можно найти людей с столь строгими правилами, с таким твердым характером, с таким безукоризненным поведением, как он. Уже ступивши, так сказать, на самоцветные ковры счастья, пользуясь расположением начальства, уважаемый товарищами — вдруг низвергся он до ничтожества; но упавши телом, не упал духом: то же беспристрастие, та же гордость, та же прямизна души, те же страсти; но изменился образ мыслей. С прискорбием вижу я, что и он попался под гнет обстоятельств, и он лавирует сообразно оным. Это доказывает или слишком утонченную политику, или шаткость правил, и в последнем случае горько и досадно думать так, хотя все убеждает в справедливости сего мнения. Одарен умом здравым; опыт и чтение обогатили его полезными знаниями; но крайнее самолюбие делает неприятным. Питает склонность к властолюбию, очень преступному в каждом, по моему мнению.

П. П. К о н о в н и ц ы н. Добрая, беспечная, простодушная флегма, — чистой нравственности, прямых правил чести, не обширного ума, ограниченных способностей, хорошо образован. Живет более физически, нежели морально. Сытый обед, стакан доброго вина, 12 часов сна, трубка и хорошая книга — вот все, что нужно для его существования. Лень

и беспечность доходят до оригинальности, всегда забавный, всегда милый, редко досадный. Говорит дурно о других, и охота к злословию, имеющая своим источником не злое сердце, не умышленное намерение, а предосудительную привычку и желание блеснуть остроумием; легко вверяться в слухи и потом распространять их — в карикатуре; иногда прихвастать; иногда прилгать — вот его недостатки. Искоренить из него сии пятна, сообщить уму его более деятельности, — и он будет прекраснейший и любезнейший из людей.

М. Д. Лка п пра. Благородный, добродетельный молодой человек, с нерасточительною добротою души и правилами, кои при первом взгляде покажутся странными, но по природе их — достойными подражания. Он соединяет характер твердый, прямой, гордый. Все сии качества украшаются скромностью столь бескорыстною, что разве только близкий или глубоко его исследывающий откроет в нем оные. Много читал, это видно! Но, чтоб узнать сие, надо быть с ним глаз на глаз, в кругу добрых приятелей выиграть доверенность, а не в шумной беседе, где каждой старается блеснуть познаниями, ученостию; там молчит он или изредка отпустит остроту, словцо кстати употребленное, насмешку, и сие так в нем заметно, что становится предосудительным. Но как бы то ни было, я уважаю его образ мыслей, благородные правила, честность. Люблю его душу прямую и добрую, хотел бы подражать его скромности, столь далекой от ложного стыда и застенчивости.

Б. А. Бю д и с кю. Молодой человек с умом, с хорошими познаниями, доброй души, правил строгих до педантизма. Никогда не дает он полную волю сердцу, не предается ни радости, ни горести, ни удовольствиям, ежели холодный рассудок находит тут что-нибудь предосудительное, противное приличиям, — унижает его солидность. Характер твердый, но мрачный и угрюмый — отличительная черта всех моряков. Чужды ему шумные и веселые общества; хорошую книгу, ученый разговор предпочтет он простодушной беседе приятелей. Все рассчитано, на все система. Это прекрасно в домашней

жизни, но в гражданском быту, в кругу товарищей, в понятиях о вещах должны быть иногда отступления. Его можно сравнить с англичанином, который и любит, и благотворит, и уважает головою, а не сердцем. Прочно приязнь его, но трудно ее выиграть — он взвесит и разочтет до малейшего обстоятельства, пересудит и испытает 100 раз и согласно с советами рассудка, вовсе без ведома сердца, наградит доверенностию. Смерть преждевременно похитила у нас сего благородного товарища.

Н. В. Л и - в. Много природного ума, прочные и строгие правила, благородный образ мыслей, добрейшая душа, чувствительное сердце, характер твердый, геройский, скромность похвальная. Никто с таким мужеством не перенес все удары судьбы. В продолжение 10 лет мученической жизни ни один ропот, ни одной жалобы не слышали от него. Тысячи обстоятельств самых оскорбительных рассыпали на каждом шагу тернии колючие; всякого б другого потрясли они, всякий потерялся бы на его месте, но он сохранил ту же возвышенность духа, те же понятия о чести, то же безукоризненное поведение. Как жаль, что случай не дал ему хорошего образования, — он мог бы служить примером во всех отношениях... Но — как постичь игру судьбы? Человек, облеченный в броню добродетели и мужества, гордо попирая все прихоти рока, презирая гнет обстоятельств — до дна испивший чашу испытаний, — наконец подвергся общему уделу смертных! Не стало терпения, в нескромном письме к родным излил он весь яд своего негодования... почта предатель, и он снова и долго, долго будет страдать... Как согражданин, как товарищ несчастия, как брат, жалею я о тебе, достойнейший человек.

Н. П. А к у л о в. Старый товарищ мой на море, в шалостях, в горе и радости. Любезный человек! Добр, как нельзя более, честнейших правил, на все готовый для друга. Чувствительный ко всему обидному его или близких ему гордости. С ним не раскаивался бы я провести всю жизнь, уверенный, что никакое обстоятельство в свете не могло б переменить его

участие и расположение. Ум его образован столько, чтобы не краснеть в хорошем обществе. Характер живой, но мнительный — во всем подозревает он неискренность; думает, что его обманывают в дружбе, в приязни и, может быть, редко ошибается. Простительный его недостаток есть маленькое фанфаронство, которое с его фигурой делается смешным.

А. Е. Рынкевич. Изю всей галлерей портретов, приведенных мною на память, более других питаю я привязанность, на симпатии основанную, к сему молодому человеку. Трудно объяснить сей феномен в природе человека; какое-то невольное чувство влечет меня к нему; я люблю его; я откровенен с ним, ему только свободно обнаруживаю я душу, не взирая на то, что какая-то мрачная подозрительность или ложное, от других занятое, мнение мешает ему вполне предаться внушению чувств и разоблачиться предо мною во всей нагоде. Воспитанный в неге, как любимый сын родителей, ничего не испытавших для его образования, одаренный характером мечтательным, сердцем чувствительным, согретым девственным огнем поэзии, пламенно любящий родных своих — вдруг вырван был сей нежный цветок из объятий дружбы и всего священного и пересажен на почву бесплодную, под чуждое небо. Науки пособили ему коротать горе, в кругу приязни образованной сучит он нить своей жизни; ни ропот, ни горькая улыбка негодования не показывались на устах его; но глаз-на-глаз часто вырывались у него глубокие вздохи, изголовье постели часто окроплялось горячими слезами, мысль его всегда летала далеко, витая около близких и невольно возвращаясь к настоящему, часто оглашал он уединенную келью тихую укоризною на несправедливость судьбы. Сия раздражимая чувствительность, соединясь с физическим расположением к болезни, ввергнули его в медленную чахотку. Он увядает, как цвет юга, захваченный осенними морозами; едва, едва брежит огонек жизни в сердце, пожираемом сокрытым огнем добродетели и всего возвышенного... Недавно два удара, один за другим, еще более потрясли его колеблющееся

здоровье: пламенея к истине и жажда познаний, вовсе без всяких преступных видов перевел он из *Conversation Lexicon* * статью одного немца, который довольно свободно изложил свое мнение о происшествии *quatorze* ** декабря и о Комитете, назначенном исследовать оное.¹ Мало осторожный для нашего века, в коем стены слушают и потолки глядят, оставил он роковой листочек на столе своем. Нашлись подлые, гнусные предатели, кои, продавши и честь и совесть свою, сделали ремесло из гибели доверчивых, практикуясь в новом своем звании, оклеветали несчастного, и надежда, единственная его подпора, скрылась в тумане, как призрак легкий. Вскоре узнает он, что лучший друг его, любимая сестра, умерла, произнося его имя. С твердостью стойка перенес он оба удара — устоял; но они опалили характер, занозили сердце и усилили яд болезни, свирепствующий в душе...

Е. Н. О - и й.² Приветливо и ласково улыбалась ему fortuna на заре и в весну жизни. Сын счастливой любви, дитя-баловень нежной матери, воспитанный в роскоши и изобилии, необходимо он должен был занять, со всеми выгодами хорошего образования и нравственности, характер капризный, мелочный, мнительный. Воспитанный женщинами, по собственным его словам, всем обязанный им же, от них занял он эту нежность и мягкость чувств, эту чувствительность и тонкий вкус, свойственный одному прекрасному полу. Не любя противоречий, не привыкши отказывать себе ни в чем, малейшая безделица может его, любезного и приятного человека, расстроить на целый день. Образованность, опыт, наконец, чтение не изгладили в нем слабостей и ошибок воспитания, коими так часто слишком нежные отцы и матери портят характеры любимцев своих. О - и й, при всех его добрых качествах, в глазах истинного ценителя покажется странным. Мелочная расчетливость, весьма похожая на екупость, и сибаритство

* Справочный словарь.

** Четырнадцатое.

знатного барича в связи с выше описанными недостатками заставляют его пресмыкаться на ряду с дюжинами людей обыкновенных, когда б он по уму, гибким способностям и благородным правилам мог бы парить выше всего земного.

В. Д. Н. Добродушный хохол, с крутым характером и слабостями своих соотчичей и ограниченными способностями ума. Прямиков в точном смысле слова, правил честных, ненавистник всякой подлости и несправедливости; но не озаренный светом наук и ума — суждения его о вещах и людях часто ошибочны. Гостеприимством своим напоминает патриархальные времена. Многим обязан я сему простодушному, доброму человеку.

Н. В. Шк е р е м е т е в. Образчик модного воспитания. Все есть по наружности и ничего внутри. На трех языках говорит совершенный вздор. Поет, танцует, знает множество куплетов из модных водевилей, читал Бейрона, Вальтера Скотта и Дарленкура, а сколько в России жителей, как она политически разделяется, солнце около земли или земля около солнца обращается; кругла или плоска она — это ему неизвестно. Знает все современные и бывшие происшествия и связи двора, перечтет без ошибки всю фалангу придворных и знатных, а не скажет, кто был Вадим, Игорь, Святослав, Никон, Сусанин, чем прославили и посрамили себя Грозный и Петр Великой; ¹ что причиною падения греческих республик и римской империи, от чего загорались Пунические войны, за что низложен Цезарь. Кто торжествовал на полях Фарсалии, как умер Катон. Кто оклеветал Сократа? Надменный родством и богатством своим, раб приличий и общего мнения, он в молодых годах предсказывает собою Ф а м у с о в а: «В е д ь с т о л б о в ы е в с ь е». Робкий и малодушный в нещасти случайном, думаю, он готов бы был решиться на все, чтоб только избавиться от неудобств, коим боярская спесь его и ушитанное тело были подвержены. Ежели есть в нем ум, то сие не заметно и затемнено в нем мишурою светского воспитания... Вот н о в о е п о к о л е н и е, на которое должно отечество полагать свои надежды для будущего.

1829 - й г о д

Трудная работа характеризовать людей и людишек была прервана событием, которое я постараюсь описать ниже сего и которое я давно предвидел. Я начну нить краткого рассказа несколько выше настоящего происшествия, украсившего свежими лаврами чело героев Терека, Кубани и Аракса.

Еще с октября прошлого года носились слухи, что непокорные санджаки большой и малый А д ж а р ы, Леванский, Шаушедский, Арданучский, М е г е х е л ь с к и й и П о с х о в с к и й соединенными силами намереваются напасть на крепость. Племена сии, дикие, воинственные, издревле возросшие в грабеже и разбое, всегда враждующие против пашей и нередко презиравшие власть султанов, управляются ныне А х м е т - б е к о м, человеком предприимчивым и честолюбивым. Махмуд III возвел его в звание пашы ахалцихского, ежели он возвратит крепость назад: жажда прибытка, наличные деньги и честолюбие преодолели робость и бессилие, и Ахмет-паша, действуя на народ обольщениями добычи, подкупом и фанатическою ненавистью к христианам, из остатка войск, разбитых 5, 9 и 15 числа августа минувшего года, умел набрать огромные ополчения, коими мечтал раздавить Ахалцих; но он не знал, что защитники крепости были солдаты, некогда ее покорители, забыл уроки потерь былых и медленно повел несметные легионы свои, высказывая тем тайну своего унижения и боязни... В грозном спокойствии ожидали мы нашествия нового Батыя; крепость приведена в возможное оборонительное состояние, каждому назначено место; каждый знал свою обязанность...

15-го февраля через лазутчиков узнано, что неприятель переправился уже <через> Шаушедские горы в Посховский санджак, а 18-го разъезды наши открыли его в 18 вёрстах. Управляющий пашалыком генерал-майор князь Бебутов немедленно послал в Сураму за тремя ротами обещанного сикурса и донесение о сем главнокомандующему. Деятельность пробу-

дилась в городе и крепости: ломали дома, ближайšie к стенам, готовили мешки и камни, разнесли по фасам ручные гранаты и бомбы, утроили часовых; задержали Кади Ефенди и трех беков, подозреваемых в преступных сношениях. Многие христианские семейства с их имуществами были впущены в крепость; остальные поместились в мечети у ворот и каравансарая. Небольшой объем крепости и опасение, чтоб неопрытное многолюдство не породило болезней, столь опасных в здешнем климате, не дозволили гранитным твердыням открыть для погибающих свои спасительные объятия.

19-го генерал отдал приказ к гарнизону, в коем, уведомляя о приближении вражеских полчищ, убеждал защищаться мужественно. В ночь на 20-е февраля около 4 часов утра аджары, покровительствуемые глубоким мраком, вошли в город с разных сторон. Перестрелка и крики у мечети заставили ударить тревогу — в минуту все было на стенах, и картечь орудий наших уже сеяла смерть в нестройных толпах разбойников. Пять раз выдержали католики натиск аджаров, наконец вопли и ружейная пальба послышались внутри мечети — дикий рев нападающих извне, рухнули двери, и они ворвались туда. Овладев мечетью, с громкими завываниями рассыпались толпы хищников около стен, покушаясь в слепом неведении лезть на границе недоступной, — град пуль, картечь, камни, гранаты ручные, камни огромные посыпались на дерзких, давили, низвергали, уничтожали их. Недоставало только смолы и кипящего масла, чтоб совершенно пробудить в памяти защиту Иерусалима, Казани, Месолунги. Далеко эхо гор разносило перекааты выстрелов, лопанье бомб и гранат, беглый огонь ружей, как перуны северного сияния, облетали кругом стены, — казалось, отдаленный ад открыл преисподние хляби, чтоб своими мрачными отголосками умножить дикие красоты в сем страшном концерте. Опрокинутый, раздавленный неприятель сумраком ночи прикрыв постыдное отступление и, бессильный на великое, бросился грабить город. К нему присовокупились бунтующие граждане, рассыпались по домам,

открыли ружейный огонь, и не прошло 4 часов — у нас уже было 20 убитых и до 30 раненых. Едва брежжущая денница озарила картину, достойную кисти гения-живописца. Пространство между стенами устлано трупами убитых, воздух оглашен стонами раненых, вопли похищаемых сабинянок, как брызги кипящего металла, палили душу. Перестрелка слабела, меткие ядра пронизывали насквозь дома, наполненные грабителями, мольбы и проклятия христиан. Плач ребятишек слышался вдали. Город походил на свежую могилу заживо погребенного. Никого наверху, пустынный ветер колышет стебель полыни. Печально веют ели надгробные, но последние отзывы мученической жизни порою глухо долетают из-под земли, слабеют, замирают и снова раздаются в другом месте.

Днем и в следующую ночь до 1000 христианских душ обоего пола были подняты в крепость; свой собственный дом уступил генерал несчастным жертвам войны. Уважение к горестной их участи и строгая европейская мораль охраняли личную честь и безопасность каждой. Утешно было видеть, с каким патриархальным гостеприимством солдаты наши, сердца, закаленные в ужасе сеч и зареве пожаров, делились с ними последнею крохою пайка.

На вторую ночь смелый католик, спущенный через стену, зажег дом. Нарочно сделали фальшивую тревогу, и, отвлекши внимание неприятеля с одной стороны, из крепости были выпущены два хорошо вооруженных всадника в одежде турок. Один должен был следовать на А ц х у р, другой на А х а л а - К а л а к и с донесением главнокомандующему о блокаде крепости. По словам шпиона, посланного к нам из Гертва и пробывшего трое суток между осаждавшими, за ними была погоня, которой однакож они избавились благодаря доброте коней своих...

Каждое утро приветствовали нас аджары несколькими десятками ядер из двух орудий, поставленных на кладбище около башни близ католической церкви, но успешное действие нашей артиллерии не позволяло им сделать и двух выстрелов

сряду. Подозрительною казалась беспечность неприятеля. Кроме бесполезного покушения 27-го числа отнять у нас воду — покушения, стоившего им большой потери, — заметно было никаких решительных мер. Все заставляло думать, что неприятель вел мину, и все меры предосторожности были взяты. Около слабейших мест стояли резервы во всегдашней готовности. Приготовили возы с землею, чтоб забросать брешь от взрыва в случае надобности. Днем поголовно, ночью весь гарнизон находился на стенах. Деятельность и неусыпность начальников были достойны подражания: везде присутствуя, всюду ободряя, распоряжаясь с хладнокровным мужеством, они вдохнули в солдат надежду и бесстрашие. Твердость опытных воинов наших возрастала с каждым днем. Чувствительно оскорблялось самолюбие непобедимых. Они негодовали, что проклятая орда могла лишить их спокойствия. Они пылали мщением...

Утром 1-го марта чрез пленного армянина Ахмет-паша письмом требовал сдачи крепости, обещая всем безопасный выпуск. Генерал отвечал: «Силу оружия русского не раз испытывали неверные; мы не отдаем иначе крепостей завоеванных, как по условиям мира или омыв их кровью последнего солдата. Крепость вверена храбрости полка, взявшего ее приступом. Ежели хочешь владеть ею, полезай на стены, готовы встретить тебя». На другой день бек снова выслал парламентаря с письмом, в коем уверял, что нам уже нет никакой надежды; что брат его Абди-бек в боржомском ущелии разбил наголову сикурс, к нам шедший; что ему известна храбрость русских, но что есть обстоятельства, в коих и самое мужество бесполезно. Презрительным молчанием отвечено на хвастливую ложь сию, убедившую о приближении сикурса.

3-го числа, на 12-й день осады, генерал отдал к солдатам приказ красноречивый, в коем, благодаря их за неусыпность, поощрял к новым трудам. С полною доверенностью к начальнику солдаты были готовы на всякую крайность и клялись погребсти себя под развалинами крепости. Привыкшие следовать по стезе

победы в открытом поле, для них был нов род войны оборонительной; но всякий беспристрастный ценитель замечал с тайною радостью, как скоро привыкли они к хитростям обороны, с каким терпением и охотою выносили труды и бессонницу, как неутомимо и деятельно действовали во все время осады. Замечание сие приводит к мысли, что русский солдат, управляемый начальником благоразумным и любимым и одушевленный примером офицеров своих, есть непобедимый колосс, одинаково гордый и мужественный в нападении и защите своей.

В ночь на 4-е марта необыкновенный шум и движение между осаждавшими заставили думать, что они отваживаются на что-нибудь решительное. Все приготовились к бою, алкали крови и жертв. За час до рассвета два жида, перебежавшие через стену, бледные и трепещущие, объявили, что неприятель начал отступление!! Долго не могли мы верить слуху сему, наконец толпы жителей объявили то же. Не зная достоверно о приближении сикурса и о числе неприятелей, нельзя было решиться на вылазку во мраке ночи, но восходящее солнце застало нас уже преследующих,— и скоро 4 пушки, 1 мортира, два знамя, много пленных и запас артиллерийских снарядов достались в наши руки. К 9 часам прибыл летучий отряд вспомогательных сил под командою полковника Бурцова, а около 5 часов пополудни показался и Херсонский полк с 5-ью орудиями легкой артиллерии. Кровавое мстительное зарево пожара в третий раз залило небо Ахалциха.

По показанию жителей и по собственному сознанию пленных, число неприятеля в первые дни блокады простиралось до 18 000; но многие в толпе сей удовлетворились главными побудительными причинами своего посещения, т. е., награба и пресытись, возвратились в дома, так что бежало их не более 12 000. В продолжение 12 дней истреблено у них за 600 человек, наиболее огнем нашей артиллерии. Потеря наших простирается до 105 человек, выбывших из строя. Каждую ночь

бек собирал совет о приступе, и всякий раз большинство голов решало невозможность одного, упираясь на ежедневно возрастающую осторожность русских. Споры сии длились до тех пор, пока с одной стороны слухи о приближении сикурса, с другой ложная весть, что отряд генерала Гессе из Имеретии двинулся на истребление пепелищ их, принудили самозванца Ахмет-пашу к бегству постыдному. На утро 4 марта, осматривая крепость извне, отыскиали мину, веденную под поворотную башню из сакли, отстоящей от оной на 10 сажен. Незнакомые с правилами искусства, турки дали столь недостаточную толстоту верхней стене галлерей, что она, не поддерживаясь рамами и подставами, обрушилась сама собою и засыпала тайник. Впрочем, камера с котлом пороха до 7 пудов была устроена порядочно, заложена каменною стеною, и взрыв, думаю <?>, был бы верен...

Жители всего пашалыка волею и неволею участвовали в восстании. Для их мусульманского слуха горестно и дико было внимать заветному звону колоколов, водруженных на родной земле их, и победным песням, коими оглашались зубчатые стены доселе непобедимого Ахалциха. Под личиною искреннего участия втайне ковали они крамолу. Привыкши к железному бичу тирании, считая кроткие и человеколюбивые меры признаком слабости, а насилие правом и могуществом, они узнают, но поздно, что русские, благотворители и защитники покорных, становятся грозными карателями в справедливом мщении к народам бунтующим. Уже пробил последний час их. Генерал Муравьев, прибывший с войском вспомогательным, вооруженный огнем и мечом, понесет истребление в гнездо хищников.

6-го числа прибыл 8-й пионерный батальон и с ним генерал Муравьев — предводитель вспомогательного войска. Грузинский, Гренадерский и Крымский полки, следовавшие сзади, были остановлены около Сурама. Ежели бы Муравьев выступил в день прибытия в вечеру, то большая часть

из шайки разбойников была бы в наших руках; добыча и пленные могли быть отбиты, и сие поражение имело б полезное для них влияние в будущем: в другой раз не попробовали б мятежники раздражать русских и старались бы только о безопасности жилищ своих; но он медлил и не прежде 9 часов 8-го числа выступил на легких. Успех экспедиции сей состоял в том, что, следя неприятеля по пятам, выпустил его из рук, ибо он в глазах всех переправился <через> непроходимые шефшедские горы; зажгли несколько деревень опустелых, отбили 1500 штук скота и до 60 челов. пленных, усталых пленных из жителей. Кровь, слезы и нищета христиан остались не наказанными, и хищники, ободренные успехом, могут снова тревожить нас. Вообще, можно заметить, что Муравьев действовал так же, как и в Персидскую кампанию, где он своею укоризненною медленностию, недостойною военного генерала, выпустил из рук Абас-Мирзу, которого, с лучшим его войском, мог разбить наголову при переправе через Аракс.

Вскоре после сего получено дозволение от главнокомандующего: жечь и очищать форштадт на ружейный выстрел. Работа исполинская, продолжительная. Много рук, много искусства потребно, чтоб укрепить крепость, само по себе слабую; три раза выжженный и грабленный город походит на груды испепеленных развалин. Нет и тени бывшего благосостояния. Более полувека мирной и торговой жизни потребно, чтоб привести его в былое состояние. Слух о приближении главных сил сераскира выгнал остальных жителей. Одни жиды, эти все-светные факторы, одинаково беспристрастные и радушные ко всем воюющим сторонам, составляют население некогда многолюдного Ахалциха.

А п р е л ь

Возвращаясь на днях домой с обычной прогулки, я почувствовал грусть несказанную; на сердце налегла какая-то свин-

цовая тяжесть... оно ныло. Никакие мысли не могли наполнить пустоты тоскующей души — в досаде бросился я в постель. Хотел плакать — не мог, хотел смеяться — это было выше сил моих. Бесился на самого себя, на природу, дерзал роптать на провидение... Мало-помалу успокоились страсти, рассудок подал спасительную нить Ариадны — она пособила мне выйти из сего перепутанного хаоса различных чувствований. Вот разговор, который вели меж собой различные способности души, подслушанный продажным самолюбием. Решите, на чьей стороне была истина?!

Р а с с у д о к: На кого ропщешь ты, слабое творение? Взвесь беспристрастно твой образ жизни, твои занятия моральные и физические, желания, тебя тревожащие, и ты убедишься, что безобразная скука есть основа твоих мучений... Избавясь ее, ты разорвешь цепи, тяготящие сердце, сбросишь вериги, мешающие полету воображения, стряхнешь пыль с характера, от природы беспечного и веселого.

Я (с д о с а д о ю): Старый моралист! Слишком ветхи твои суждения. Спрашиваю: чем можно избавиться от скуки? Занятиями какого бы то роду ни было; но какую пищу могу я сообщить тебе, поставленный судьбою на точку, с которой рассматривает меня свет? Чтение обогатило б мой ум. Полусутки готов я не выпускать книгу из рук, но ты видишь: мы лишены этой отрады; пережевываем какие-то нелепые романы, обреченные судьбою утонуть в Лете. Люблю часто бродить по долам и горам, восхищаться и беседовать с природою. Самые утешительные мысли занимают тогда душу мою, располагают ее к сладким мечтам, к тихим воспоминаниям; но природа мертва. Величаво почивает она на снеговом одре земли, и тщетно ищу я в ней божественного прекрасного. В других обстоятельствах и самая праздность может доставить удовольствие: беседа приятелей добрых, разнообразие суждений; новые встречи; шум городской жизни, приятство жизни сельской, привет друга, ласки прелестной и самые шалости, думаю, позволенные в мои лета, могли б развлечь меня.

А здесь? Беседы, не поддерживаясь новыми идеями, питаются нелепыми слухами и пересудами; часто встречаю новые лица, но они чужды мне и по чувствам, и по религии, и по языку. Вся деятельность города толпится и сосредоточивается на грязном базаре; кров деревенской хижины едва укрывает от непогоды хозяина; гуляя по системе, а не для удовольствия, всюду встречаешь бледные грустные лица, слышу вопли нищеты; друзья и родные слишком далеко для искреннего пожатия руки; забыл, что выражает улыбка снисходительной подруги; к невинным шалостям преграждены все пути. Поддай, строгий судия, поддай мне орудие, коим бы мог я разломить эту кору случайностей, и тогда я увенчаю тебя венком победы — вручу скиптр правления над бренным человечеством.

Р а с с у д о к: Это орудие в самом тебе. Извлеки из души занозу лени и бездействия, рассматривай самого себя, умей быть полезным во всех обстоятельствах, рассуждай, пиши — и ты будешь доволен собою. Пчела и из горьких растений извлекает мед душистый — подражай ей, и в спокойствии совести, в веселом расположении духа, в радости после доброго дела — ты найдешь награду и утеху...

Спор наш никто не мог решить, кроме холодного опыта, — я послушался предателя, но избрал терновую, опасную дорогу и, сделавшись от безделья журналистом, только взволновал в людях зависть, клевету и все смрадные и грязные лужицы в душах их. Рассудок снова остановил меня, и я навсегда сошел с литературной кафедры...¹

М ы с л и. Человека с твердым характером не застанет врасплох несчастье: не столь малодушный, чтоб страшиться его, не столь ветренный, чтоб презирать, — он всегда готов состязаться с ним. Будущность свою рисует всегда в худшем свете. Ежели она дурна — он не ошибся, ежели хороша — чистый выигрыш на его стороне. Чтоб никогда не обманы-

ваться, он никогда не надеется — и вот тайна: терпеливо и презрительно улыбаться всякому горю, всякому капризу судьбы.

Зависть есть одна из фурий, грызущих сердца людей. Человека завистливого можно сравнить с сохнувшим деревом, средину коего точит червь сокрытый. Благоразумный никогда не обнаружит ее; благородный прикрывает видом соревнования, робкий и подлый, будучи бессилен состязаться явно, клеветою, злословием и мелкими насмешками обнаруживает тайное недоброжелательство и не заметно для себя самого увенчивается терновым венком общего презрения.

Новый сераскир-паша, деятельный более своего предшественника, предпринимает огромные укрепления все^{го} Эрзрума. Но может ли хилый тростник удержать реку бурную? Что остановит победоносное войско, привыкшее мимоходом покорять крепости неприступные? Дух торговли и промышленности, господствующий меж гражданами, побудит «встретить?» с ласкою гостей незваных. Эрзрум будет для нас вторым Тавризом.

На днях получил от матушки и брата Александра письма, — они укоряют меня в молчании. Больно тронули меня укоры сии, вовсе незаслуженные. Не знаю, к кому отнести преступную неисправность доставки писем? Я отвечал им и спешил оправдаться! Ч и т и н с к и е братья мои здоровы и успокоились по возможности. Ген. Лепарский есть благодетельный гений, ниспосланный к благу несчастных страдальцев.

Гуляя по городу, часто случалось видеть мне детское сражение снежками. Христиане всегда занимают какую-нибудь узкость или высоту, мусульмане нападают и вытесняют их.

Некоторые вооружены щитами и пращами. Католики осыпают их русскою бранью и насмешками, градом снежных ядер отвечают турки. Взрослые прохожие смеются и радуются успехам, турки за своих, католики за своих, жида за обе стороны, и нередко сие побоище оканчивается кулачными ударами и окровавленными лицами. Вероятно из-под кровли домов выносят ребятишки вражду, внушенную им отцами.

В начале апреля в некоторых больных открыты признаки чумной болезни, следствие слабости добродушного генерала, который по настоянию и безрассудной просьбе Ключена позволил после блокады грабить город. Чума закралась в вещах.

16 апреля, по случаю увеличившейся чумной заразы, гарнизон был выведен из крепости и расположен лагерем в балаганах, за р. Посхо. Под выстрелами чума свирепеет. Ротные командиры дремлют в укоризненной беспечности. Взяты самые слабые предосторожности. Наконец, время и свежий воздух ослабили разлив ее. Кошкарлов замедлил присылкою палаток и по своем приезде действует деятельно в пользу человечества. При переноске лагеря на свежее место велено жечь все вещи — чума снова усилилась. Я наскучил ужасами [не разобр.] и благодаря чуду, спасшему меня от гнусной смерти, 24 мая присовокупился к сводному батальону подполковника Ключена. Полк остался в Ахалцихе... В деревне Вале выдержал 14 дней карантина. Мая 29 выступили с Херсонским гренадерским полком под командою генерала Бурцова на истребление селений в бунтующем Кобасинском санджаке. В один переход совершили путь свой, сбили, разогнали толпы неприятельские... Получили повеление от главнокомандующего, обошли другим ущелием в санджак *П о с х о в с к и й*. 2-го июня близ деревни *Ч а б и р ь* встретили нас Кася-бек и Ахмет-паша с 12-ю тысячами. Жаркое дело длилось пять часов. Успех — совершенное разбитие неприятеля. Трофеи — 2 знамени, 3 пушки, 1 мортира, лагерь, 50 пленных, 150 верблюдов.

и множество снарядов. Стрелки наши были в особенной опасности.

3-го числа Херсонский полк соединился с главным отрядом. Наш батальон поступил в состав полка главнокомандующего. Явился Кошкаррову — принял хорошо. Узнал его — достойный человек. Скучно. Вишневецкий боится приблизить меня к полковнику. Видимый эгоизм его... Написал письмо к родным.

(На этом рукопись обрывается)

341 (1). «Памятные записки» П. Бестужева впервые были опубликованы в изд. 1931 г.; отрывок о Грибоедове был опубликован Г. В. Прохоровым: «Грибоедов и декабристы» (Веч. вып. «Кр. Газеты» от 11 фев. 1929 г., № 38/2066). Автограф — А р х. Б е с т., № 5574, лл. 71—103об.; на рукописи пометка: «Тетрадь вторая»; первой тетради не сохранилось.

341 (2). Кавказские войны 1828—1829 гг. были вызваны по существу действиями капиталистических стран Западной Европы, которые были очень встревожены укреплением России на Кавказе; особенно это тревожило Англию, «привыкшую захватывать чужие территории и угнетать другие народы», — пишет современный историк мюридизма. — «Англия намеревалась прибрать к рукам Кавказ и превратить его в свою колонию. Она засылала сюда своих агентов, чтобы подорвать влияние России, провоцировала войны Персии и Турции с Россией» (А. Д а н и я л о в. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля. «Вопр. ист.», 1950, IX, стр. 4). Главной ареной войн 1828—1829 гг. стал Дагестан, народы которого «столетиями испытывали на себе гнет отсталых деспотических государств Ирана и Турции. Иранские и турецкие захватчики по очереди прибирали Дагестан к рукам, истребляли его жителей, уводили их в рабство, угнетали непосильными поборами, навязывали чуждые народу порядки» (там же, стр. 3). Война, в которой пришлось принять участие Петру Бестужеву и его товарищам, началась еще в 1826 г., когда в наши пределы ворвалась персидская армия под предводительством Аббаса-Мирзы; русской армией командовал Ермолов, но, подозреваемый Николаем I в связях с декабристами, он был вскоре замещен Паскевичем.

Первый этап войны был закончен Туркменчайским миром (10 февраля 1828 г.): Персия уступила России Эриванское и Нахичеванское ханства и, кроме того, была обязана уплатить денежную контрибуцию в 20 000 000 рублей. Проясками Англии мирное положение на Кавказе было нарушено, и в апреле 1828 г. началась война с Турцией. Ее основные моменты — штурм Карса, взятие Ахалциха и Ахалкалаки — и составляют содержание записок Петра Бестужева. Записки его очень точны, и почти все сообщаемые им сведения находят подтверждения в существующих описаниях этих войн, а также в мемуарах других декабристов (Гангелов, М. Пуцин). В боях при взятии Карса и Ахалциха особенно отли

чился Ширванский пехотный полк, в рядах которого находился тогда Петр Бестужев; в частности, этот полк первым ворвался в Карс. Взятие крепости во многом обязано полководческому таланту декабриста Бурцова и инженерному искусству декабриста М. Пущина, который, будучи унтер-офицером, руководил фактически всеми инженерными работами. Наиболее крупным успехом русских войск было взятие считавшейся совершенно неприступной крепости Ахалциха. При взятии Ахалциха П. Бестужев был ранен в руку. Компания 1828—1829 гг. сыграла большую роль в судьбе разжалованных декабристов: некоторые погибли, другие сумели выдвинуться и восстановить свою военную карьеру или выйти в отставку.

347 ⁽¹⁾. Точки — в подлиннике.

351 ⁽¹⁾. Точки — в подлиннике.

357 ⁽¹⁾. В этот перечень входит ряд лиц, с которыми судьба столкнула Петра Бестужева во время пребывания его на Кавказе: одни из них были его товарищами по делу и судьбе, другие также принадлежали к разжалованным, но не из декабристской среды, третьи являлись его начальниками, четвертые — просто знакомыми. Раскрыть все имена, скрывающиеся под инициалами и сокращениями П. Бестужева, не удалось. Из упоминаемых им лиц причастными к декабристскому движению являются: Н. П. Кожевников, А. В. Веденяпин, Ф. Г. Вишневецкий, А. С. Грибоедов, А. А. Суворов, Н. Н. Раевский, Н. Р. Цебриков, М. И. Пущин, И. П. Коновницын, М. Д. Лаппа, Б. А. Бодиско, Н. П. Акулов, А. Е. Рынкевич, Н. В. Шереметев. Кто скрывается за обозначением Ли-в Н. В. — установить не удалось, — вероятно, кто-то из разжалованных еще до 1825 г.

361 ⁽¹⁾. О взаимоотношениях Грибоедова с Бестужевым см. примеч. к стр. 530.

365 ⁽¹⁾. Отзыв П. Бестужева о Н. Н. Раевском явно несправедлив и сделан без учета той сложной обстановки, в которой он находился на Кавказе. Воспоминания других мемуаристов свидетельствуют о большой самостоятельности его поведения в отношении к декабристам, что в конце концов и отразилось на его карьере.

370 ⁽¹⁾. П. Бестужев, очевидно, имеет в виду двенадцатитомный «Энциклопедический словарь» Брокгауза в Лейпциге [Allgemeine Deutsche Real-Encyclopedie für die Gebildeten Stände (Conversations-Lexicon), Leipzig, Brockhaus], девятый том которого, содержащий слово «Россия» (Russland), вышел в 1827 г. Две странички в этой статье посвящены восстанию 14 декабря (стр. 508, 509). В отличие от ряда аналогичных изданий, отражавших официальную точку зрения, автор данной статьи, хотя также отмечает «мужество» и «великодушие» Николая, — но с явным сочувствием относится к восставшим, характеризуя

их не как «извергов» и «отбросов армии», но как горячих энтузиастов, принадлежащих к лучшим семьям общества.

370 (2). Буква «Е» в данном случае является опиской; речь идет, несомненно, о Николае Николаевиче Оржицком. Сведения, сообщаемые Петром Бесугужевым, вполне соответствуют биографическим сведениям о нем. Он был «незаконным сыном» крупного вельможи, графа П. К. Разумовского, прекрасно образован, начитан. Оржицкий вращался в кругу литераторов, был близок с А. Бестужевым и Грибоедовым и сам являлся литератором-поэтом; литературное наследие его еще не собрано и не установлено, да и личность его в целом еще очень мало освещена.

Рылеев предполагал послать Оржицкого в Киев с извещением о событиях в Петербурге. Членом Общества он не был, хотя и знал о существовании его. На следствии он заявил: «мысль носить на себе постыдное имя предателя была причиною, побудившею меня умолчать перед правительством о бывшем мне известном заговоре» (Н е ч к и н а, стр. 277). В Следственном Комитете Оржицкого, на основании слов Завалишина, обвиняли в проекте своеобразной виселицы, на которой якобы предлагал он: «первым повесить государя, а там к ногам его братьев» («В о с с т. д е к.», III, стр. 268), — хотя сам же Завалишин пояснял, что речь идет не о царской семье, а о тех, кто помешал Оржицкому в деле его женитьбы. Об «экономической виселице» Оржицкого упоминает и М. Бестужев.

Ценным дополнением для освещения личности Оржицкого служат опубликованные в 1931 г. письма декабриста Цебрикова Е. Оболенскому, в которых он рассказывает об устройстве Оржицким своих крестьян в 1844 г.: «Оржицкий доказал, что можно быть добрым умом, и взял за норму 15 десятин земли, находящейся в Псковском уезде, отдал крестьянам в оброк за 20 р. серебром, завел муниципалитет, выборных и сборщиков, выбираемых самими крестьянами, и только поставил от себя одного старосту, которому впрочем приказано только наблюдать, но никак не вмешиваться в управление крестьян, на что у них есть мир»... «Крестьянский быт улучшился, крестьяне сделались людьми, и почти нет таких бедных крестьян, которых можно встретить зачастую целыми деревнями» (В о с п. и р а с с к., 1, стр. 270).

371 (1). Аналогичное негодующее замечание по адресу аристократической молодежи — у Марлинского: «Про высший круг и говорить нечего: там от собачки до хозяина дома, от плиты тротуара до этрусской вазы — все не русское, и в наречиях и в приемах. Бары нашипреважно рассуждают, каково Брюно играл Жокриса, как была одета любовница Ротшильда на последнем рауте в Лондоне; получают телеграфические депеши о привозе свежих устриц... А спросите-ка их, чем живет Вологодская губерния? Они скажут: „Je ne saurais vous le dire au juste, monsieur (не сумею Вам точно сказать): у меня там нет поместьев“» («Фрегат Надежда», гл. IV).

380 ⁽¹⁾. Прямых сведений о печатных статьях П. Бестужева не имеется, но, видимо, он сотрудничал в «Тифлиссских Ведомостях» (1828—1829 гг.); известно о попытке создания газеты в Ахалцихе: «Ахалцикский Меркурий»: вышло два номера, в них участвовал и П. Бестужев (И. Е н и к о л о в. Пушкин в Грузии. 1950, стр. 104)